

УДК 940"18"

DOI 10.25730/VSU.2070.19.037

«Русский вопрос» в немецком внешнеполитическом дискурсе начала XIX в.

Т. И. Лыпка

кандидат исторических наук, доцент. Россия, г. Киров. E-mail: LypkaTatiana@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена новой книге О. В. Заиченко «Проекция разочарования и надежд: “Русский вопрос” в контексте немецкого внешнеполитического дискурса первой трети XIX в.». Монография является талантливым и оригинальным научным произведением, раскрывающим многие пружины формирования и трансформации образов России и Германии в один из наиболее драматичных и насыщенных событиями периодов европейской истории. Автор книги определяет ее жанр как «исследование-мозаику». Это можно объяснить многогранностью и многоплановостью научного исследования. Объектом исторического анализа в исследовании «являются сочинения, написанные различными представителями интеллектуальной и политической элиты Германии с целью найти ответ на вопросы: что есть Россия? является ли она частью Европы? какова ее роль в международной политике и сохранении системы европейской безопасности» [2]. Весь этот комплекс вопросов объединен автором в один под названием «Русский вопрос». Автор использует историческую имагологию «как исследовательский метод для разработки различных сюжетов по истории взаимовосприятия народов, проблематики “другого” в культуре и политике». Метод исторической имагологии дополняется традиционными для историка методами исследования: структурно-функциональный метод в комплексе с системным и историко-сравнительным методом.

Ключевые слова: историческая имагология, образ «другого» в культуре и политике, «русский вопрос», Россия и Германия, Россия и Европа.

Несмотря на то что имагология принадлежит к числу относительно новых направлений исторических исследований, в отечественной историографии создано немало трудов, выполненных в соответствии с канонами этой методологии [1; 6; 8; 9; 10]. Автор фундаментального труда по истории восприятия России в США В. И. Журавлева отмечает: «У каждой культуры есть образ “Другого”, выполняющий важную роль в игре смыслов и значений, определяющих ее Я-концепцию» [1, с. 12]. Данное утверждение имеет универсальный характер и применимо к изучению взаимовосприятия многих народов и культур. Одну из таких долговременных межгосударственных оппозиций составляют отношения России и Германии, претерпевшие за несколько веков истории глубокую трансформацию, наложившую отпечаток на специфику национального сознания и существенно повлиявшую на ход мировой истории. Исследованию эволюции «русского вопроса» в сознании немцев в первой трети XIX в. посвящена новая книга О. В. Заиченко, вышедшая в 2018 г. в издательстве «Весь мир». Книга представляет собой оригинальное историческое исследование развития «русского вопроса» на фоне трансформаций немецкого внешнеполитического дискурса в первой трети XIX в.

История России неразрывно связана с историей Германии, поэтому так важно и интересно проследить, какую оценку различным этапам и аспектам взаимоотношений наших стран давали немецкие публицисты, представители интеллектуальной элиты Германии. Взгляд наблюдателей и участников исторических событий придает дополнительный объем тем представлениям об истории «русского вопроса», о международных отношениях в Европе, к которым мы привыкли.

Оригинален и замысел книги, и ее структура, и авторский взгляд на проблему. Предисловие содержит полную информацию об основных проблемах, представленных в монографии. Автор определяет жанр книги как «исследование-мозаику». Это можно объяснить многогранностью и многоплановостью материала, положенного им в основу научного исследования.

Объектом исторического анализа «являются сочинения, написанные различными представителями интеллектуальной и политической элиты Германии с целью найти ответ на вопросы: что есть Россия? является ли она частью Европы? какова ее роль в международной политике и сохранении системы европейской безопасности» [2, с. 10]. Весь этот проблемный комплекс объединен автором обобщающим понятием «русский вопрос».

Автор использует историческую имагологию «как исследовательский метод для разработки различных сюжетов по истории взаимовосприятия народов, проблематики “Другого” в культуре и политике». Метод исторической имагологии дополняется традиционными для историка методами исследования: структурно-функциональным в комплексе с системным и историко-сравнительным методами [2, с. 12]. Такой подход дает возможность автору «выявить основные компоненты образа России, охарактеризовать его в социокультурном и историко-политическом контекстах, проследить его трансформацию в зависимости от изменения внешнеполитического дискурса и причин, его порождающих» [2, с. 11].

Скрупулезный анализ оригинальных немецких текстов первой трети XIX в. лег в основу книги. Автор, благодаря цитированию работ немецких публицистов, дает читателю максимально полное представление и о внешнеполитических дискуссиях в Германии, и о том месте, которое Россия в них занимала. О. В. Заиченко предоставила возможность читателю самому услышать «голоса эпохи», знакомясь с оригинальными немецкими текстами первой трети XIX в. Ею были отобраны тексты немецких авторов, которые наиболее репрезентативны и соответствовали «тому быстро меняющемуся историческому контексту, в котором были написаны» [2, с. 15].

Структурно книга разделена на две части: первая представляет собой монографическое исследование историко-политических и социокультурных аспектов проблемы; во второй части представлена подборка сочинений немецких публицистов первой трети XIX в. о месте России в европейском балансе сил. Публикуемые тексты впервые переведены автором на русский язык и введены в научный оборот. Произведения немецких публицистов дополнены подробными и качественными комментариями.

Уже во введении автор подчеркивает, что «образ России создавался общественным мнением Европы как антитеза европейского устройства». Отмечается, что Россия в сознании немцев представлялась страной, пребывавшей в «переходном состоянии между “цивилизованным” Западом и “варварским” Востоком». Одним из основных компонентов немецкого внешнеполитического дискурса был вопрос: что есть Россия, является ли она частью Европы? Со сменой очередной эпохи менялся и ответ на «русский вопрос».

В первой главе («От “страны ожидания” к русской угрозе. “Русский вопрос” как инструмент политических спекуляций на рубеже веков») прослежен процесс развития публицистики в Германии в последние десятилетия XVIII в., отмечено влияние на немецких авторов идей Просвещения, Великой французской буржуазной революции 1789 г., французских авторов, в частности творчества Малле дю Пана о «русской угрозе». Анализируя произведения немецких авторов (Эрнста Людвига Посселя, Георга Фридриха Ребманна, Йозефа фон Герреса), Заиченко показывает, как оформлялся образ России, как определялось ее место в европейских международных отношениях. Показано: если Малле дю Пан считал, что последствия «агрессивных действий беспринципной узурпаторши-императрицы, стремящейся любым способом утвердить свое преобладание в Европе, будут губительны для европейской цивилизации» [2, с. 31], то Геррес в своих работах приходит к выводу, что «дни деспотизма и варварства уже сочтены...», «прогресс и свобода обязательно победят варварство и деспотизм». Заиченко резюмирует: «На рубеже веков с помощью разработанной им теории романтического детерминизма истории Геррес параллельно с дальнейшим развитием политических спекуляций, связанных с комплексом «русской угрозы», одним из первых предлагает европейцам надежду на будущее» [2, с. 40]. Таким образом, был оформлен «негативный образ России как страны, цивилизованно неполноценной и полностью противоположной по всей внутренней природе государствам Европы» [2, с. 44].

Во второй главе («Европа между Наполеоном и Александром. “Русский вопрос” в контексте войн антифранцузских коалиций») Заиченко показывает, как «на фоне процесса кардинальных мировоззренческих трансформаций» в начале XIX в. происходят перемены в балансе сил в Европе, появляются новые настроения в немецком обществе [2, с. 44]. Автор анализирует трактат немецкого философа и историка Фридриха Бутервека «Четыре великих нации девятнадцатого века», в котором говорится о будущей миссии России, заключающейся в «распространении европейской культуры на Восток», подчеркивается, что ее естественная экспансия восточного направления не угрожает Европе [2, с. 48]. Отмечено, что Бутервек «одним из первых почувствовал грядущие глобальные перемены, став своего рода предтечей нового бренда во внешнеполитическом дискурсе» [2, с. 49]. Французская экспансия стала толчком к формированию национально-освободительного движения в Германии, негативному восприятию

немцами Франции и Наполеона. Автор подробнейшим образом описывает события, происходящие в Европе: сражения под Аустерлицем, Йеной, Ауэрштедтом, Прейсиш-Эйлау, Фридрихс-Вальденом, победителем в которых был Наполеон. В 1807 г. был подписан Тильзитский мир между Францией и Россией, который закрепил преобладание Франции в Германии. Патриотический подъем охватил Германию. Заиченко показывает, как на этом фоне активизируется антифранцузская пропаганда. Рупором военного союза с Россией становится Гарлиб Гельвиг Меркель, писатель, литературовед, патриот, который в своих произведениях говорит о «позорном унижении» Пруссии и единственное спасение видит в России [2, с. 56].

Обращаясь к творчеству выдающихся поэтов Жан Поля и Генриха фон Клейста, автор отмечает различия в их восприятии России. В частности, Жан Поль не согласен со сторонниками тезиса о «русской угрозе». По его мнению, «все человечество в своем развитии, пусть и с разной скоростью, проходит одни и те же ступени развития», «поэтому Россию нужно воспринимать... не как что-то опасное и чуждое Европе, а как ее собственное недавнее прошлое». Таким образом, Жан Поль создает новый образ России, связывает с ней свои надежды, основанные на вере во «все побеждающий исторический прогресс» [2, с. 59]. Анализируя творчество немецкого драматурга, поэта, прозаика Генриха фон Клейста, Заиченко приходит к выводу, что тот не разделял просветительского оптимизма Жана Поля. У Г. фон Клейста Россия ассоциируется с медведем, который предстает как «мифический символ полудикого мира Востока». Медведь силен и непобедим. Эта оценка оказалась пророческой. Г. фон Клейст сознательно выступил на стороне России, противостоящей Наполеону, который воплощал Запад, европейскую цивилизацию, «несмотря на предстоящие трансформации, который могли ждать Европу в случае победы России» [2, с. 61].

В третьей главе книги («Освободительная война как время надежд. Национально-патриотический взгляд на “Русский вопрос”») Заиченко показывает, как освободительная война изменила «русский вопрос». Отмечается, что «для представителей либерального крыла Наполеон был воплощением деспотизма, а Александр I – свободы». Консервативные мыслители, которым было свойственно рассуждать не столько в политической, сколько в религиозно-философской плоскости, видели во французском императоре Антихриста, а в его российском оппоненте – «Ангела апокалипсиса» [2, с. 66]. Ключевым моментом «переориентации надежд немецких патриотических сил с Австрии и Англии на Россию» стало прибытие опального прусского премьер-министра барона Генриха Фридриха Карла фон Штейна в Россию [2, с. 68]. Заиченко отмечает, что изначально Штейн был невысокого мнения о России, о царе Александре и русском народе. Но с изменением военной ситуации, его взгляды существенно эволюционировали и в его отношении к России стало преобладать восхищение [2, с. 73–74]. Барон обращается с воззванием «К немцам» с призывом переходить на сторону русской армии и вступать в легион [2, с. 75–76]. Летом 1812 г. началось формирование легиона.

Обращаясь к творчеству секретаря и сподвижника Штейна, талантливого писателя, публициста и политика Эрнста Морица фон Арндта, Заиченко показывает, как Отечественная война 1812 г. кардинально изменила его взгляды. В «Кратком слове о России» он восхищается русским народом. В «Оде Императору Александру» «восхваление становится уже чрезмерным: «Благородный властитель, слава Тебе!» В программной статье «Глас народа» он трактует русско-французскую войну как последнюю битву «света и тьмы, добра и зла, Христа и Антихриста». Антихристу Наполеону «противостоял “богоизбранный” русский народ, ведомый “ангелом света” – императором Александром» [2, с. 82–83]. Анализируя произведения Арндта, Заиченко приходит к выводу: «Пока Россия в ходе освободительных войн содействовала осуществлению мечты германских патриотов о сильном прусско-немецком национальном государстве, ее восприятие Арндтом оставалось позитивным» [2, с. 90–91].

В четвертой главе («Александр Благословенный как гарант “вечного мира в Европе”. Взгляд на “Русский вопрос” между Освободительной войной и Реставрацией») автор отмечает, что с 1812 г. для немцев Россия стала «страной надежд». Александр I теперь воспринимался как «ангел-спаситель», «гарант вечного мира в Европе», благодаря которому установился «самый долгий мир за всю ее историю и немцы впервые смогли вздохнуть свободно» [2, с. 91].

Позитивный взгляд на Россию и ее императора сохранил на всю жизнь интеллектуал, физик и естествоиспытатель Георг Фридрих Паррот. Автор анализирует его публичные выступления. Первая его речь была произнесена по случаю окончания Отечественной войны 1812 г. В ней Паррот призывает Германию стать союзником России, чтобы «в совместной борьбе сбросить “позорное для свободного человека” французское иго». Он упрекает евро-

пейцев за недооценку России, «обвиняет их в трусости перед Наполеоном и предательстве собственных интересов». В феврале 1814 г. Германия была освобождена, военные действия переместились на территорию Франции. По этому поводу Паррот написал вторую речь. Заиченко представила подробный анализ этого текста, отметив, что первая часть «адресована его немецким соотечественникам», тогда как вторая – обращена в первую очередь к Александру I, поскольку «именно с ним Паррот связывает будущее Европы». Здесь он «переходит к теме “вечного мира” в Европе», надежды на который связывает с Россией и ее императором». Паррот отказывается от идеи баланса сил, считая, что для сохранения «вечного мира» достаточно свободного общественного мнения, «к которому должны прислушиваться государи», и России в роли «арбитра Европы» [2, с. 97–108].

Заиченко отмечает, что зарубежный поход русской армии «был поддержан мощной пропагандистской кампанией», целью которой было распространение идеи «объединения Европы вокруг России для борьбы с Наполеоном и создания новой политической системы». Активное участие в этой кампании принял признанный немецкий ученый Георг Фридрих Паррот [2, с. 110–111].

Политический дискурс Германии формировался из разнообразных оценок. Заиченко указывает, что в 1814 г. отчетливо ощущалась потребность в обосновании права России на главенствующую роль в Европе. Эту задачу решала работа прусского историка Людвиг фон Бацко «Россия и Франция. Историческое сравнение, основанное на поразительных фактах». Бацко выделяет ключевые характеристики создаваемого им образа России. Согласно его трактату, Россия

– всегда была «для Европы оплотом против деспотизма вождей азиатских орд», «жертвуя собой ради сохранения европейской безопасности»;

– являлась важнейшим фактором общеевропейской истории, что, в частности, проявилось в ее участии в разделах Польши, которые были произведены ею совместно с Пруссией и Австрией исключительно «во имя собственной безопасности и независимости»;

– выступала в роли барьера на пути «турецкой угрозы», поскольку «войны России против турок были справедливы и заслуживали «одобрения человечества».

Обосновав благотворность российской внешней политики, Бацко отстаивал право русских на самобытность и завершил свое сочинение сравнением двух императоров – Наполеона и Александра I. Он противопоставляет две модели ведения внешней политики: «старой, циничной и эгоистической, связанной с Наполеоном, и новой, основанной на началах нравственности и гуманизма, продемонстрированной народам Европы Александром» [2, с. 112–116], отдавая предпочтение российской модели.

14 (26) сентября 1815 г. в Европе был создан Священный союз. Многие немецкие интеллектуалы вне зависимости от своих политических взглядов увидели в этом событии шанс на воплощение надежд на установление «вечного мира» и создание справедливого и гармоничного устройства европейского общества. Авторитетным представителем интеллектуальной среды был профессор философии, сторонник конституционного либерализма Вильгельм Траугот Круг. О. В. Заиченко предоставила нам возможность ознакомиться с работой Круга «Священный Союз или памятник заключенному между Австрией, Пруссией и Россией братскому Союзу. Международное значение Священного Союза и его вероятных последствий», опубликованного в 1816 г. Рассматривая это произведение, она отмечает беспристрастность автора, его нейтральность по отношению к российскому императору и монархам Пруссии и Австрии. Он дает собственную оригинальную трактовку роли Священного Союза и тех последствий для Европы, которые могут быть с ним связаны. В своем анализе текста Священного Союза Круг выделяет две составляющие: общехристианскую мораль и просветительскую идею «вечного мира» – и говорит о том, что «отныне политика должна руководствоваться не только принципами общепринятой морали, но также и моралью христианской». Заиченко приходит к выводу: «Этот полный оптимизма текст, посвященный политическому альянсу трех монархов, стремящихся взять под контроль всю Европу, довольно удивителен для либерала, который очень скоро разочаруется и в России, и в Священном союзе». Заканчивается глава ироничной эпиграммой Гете, сказанной по поводу Венского конгресса: «Вы будете долго голосовать и болтать. Наконец, мы снова увидим казаков. Они освободили нас от тирана. Они, пожалуй, освободят нас от свободы тоже» [2, с. 118–122].

Конец второго десятилетия в истории Европы характеризовался исключительно сложными и многомерными социокультурными процессами. В пятой главе («От надежд к разочаро-

ваниям. “Русский вопрос” в период Реставрации») акцент сделан на описании очередного витка немецкой рефлексии по поводу русского фактора в судьбе континента. Автор показывает, как в обстановке, когда побежденная Франция не представляла реальной угрозы, стали «оживать старые антирусские стереотипы»: «В 1817–1819 гг. уже не просто раздражение, но и глубокое разочарование политикой России ощущалось и в верхах, и в интеллектуальной среде, и на бытовом уровне». Для подтверждения данного тезиса Заиченко обращается к творчеству баденского политика и историка Карла фон Роттека, рассуждения которого служат примером политического пессимизма и выражают настроения либерально настроенных немецких интеллектуалов. Он реанимировал политические спекуляции Малле дю Пана, отодвинув Россию за пределы Европы, причисляя ее к Азии. Главную причину слабости и отсталости русского государства он видел в «азиатском деспотизме». Формально свободные аристократы, по его мнению, оставались «рабами трона». Россию времен Ивана Грозного Роттек ставит «в один ряд с главным антагонистом христианства и европейской цивилизации в этот период – Османской империей» и доказывает, что даже при Петре в стране продолжали господствовать «варварство и деспотизм». Положительной оценки удостоился только Александр I («Русский император продолжает прилагать усилия, как для достижения благополучия отдельного человека, так и государства в целом»), но в военном и политическом триумфе России последних лет Роттек видел главную угрозу для будущего Европы [2, с. 138–143].

О. В. Заиченко отмечает, что «ключевыми понятиями в дискурсе немецких интеллектуалов эпохи Реставрации продолжали оставаться «конституция» и «единство нации»» [2, с. 144]. До 1830 г. в пятнадцать германских государствах были приняты конституции, была сохранена монархическая форма правления, введены двухпалатные ландтаги, цензовое избирательное право, законодательной инициативой наделены государи и правительство. Но не все ожидания оправдались. Конгресс в Аахене 1818 г. не решил проблему национального единства немцев, Александр I заявил, что «он не считает себя вправе вмешиваться во внутренние дела Германии, передав инициативу в решении “германского вопроса” венскому и берлинскому дворам» [2, с. 145]. Автор указывает, что такая позиция российского императора имела далеко идущие последствия: немецкое общество было разочаровано в политике России, антирусские настроения усилились после публикации записки члена российской делегации А. Стурдзы «О современном положении Германии». На волне всеобщего недовольства веймарский литератор и издатель Август Коцебу был обвинен немецкими националистами в предательстве и шпионаже в пользу России и убит 23 марта 1819 г. Заиченко отмечает, что в Германии начался «новый этап трансформации восприятия России» и справедливо указывает на его «взаимосвязь с внутренними проблемами немецкого общества». В условиях «подъема национального самосознания и связанного с ним поиска внешнего врага “русский вопрос”, продолжая оставаться частью общих рассуждений на тему “вечного мира” и сохранения европейского баланса сил, впервые начал встраиваться во внутренний национально-политический дискурс» [2, с. 146]. В августе 1819 г. министры государств, входивших в Германский Союз, во главе с Меттернихом разработали Карлсбадские постановления. 16 сентября 1819 г. федеральное собрание их утвердило. Законы об университетах и цензуре, закон о создании центральной следственной комиссии для предотвращения антигерманских «происков» и новый порядок исполнения судебных решений привели к тому, что у Союза появились возможности вмешиваться во внутренние дела отдельных германских государств [2, с. 162–163].

Заиченко справедливо отмечает, что законодательное закрепление Карлсбадских постановлений 1819 г. «ознаменовало собой начало долгого периода Реставрации, перевернувшего жизни большинства патриотически настроенных немецких интеллектуалов: кто-то из них эмигрировал, кто-то сменил род деятельности или умер, а кто-то кардинально поменял свои взгляды». К последним принадлежал Йоханн Йозеф фон Геррес – бывший «якобинец», эмигрировал в Швейцарию, где приобрел славу выдающегося консервативного историка, католического мистика и теолога. Автор монографии обращается к философско-историческому труду Герреса «Европа и революция», который стал очередной попыткой ответить на вечные вопросы: «Что есть Россия? Является ли она спасительницей и наследницей Европы или все еще представляет для нее угрозу?» Геррес делает «экскурс в русскую историю», которую делит на два периода: допетровскую и послепетровскую. Причину несчастий допетровской России он видит в так называемой «рабской сущности русских» [2, с. 164, 166–167]. Заиченко отмечает, что Геррес в отношении России тем не менее не является пессимистом. Позитивные изменения он связывал с именем Петра I, при котором началось вхождение России в Европу.

В 1822 г. он писал о России: «Перерабатывая с помощью европейской культуры огромную массу сырого человеческого материала, прививая к дикому стволу достижения цивилизации, России суждено стать благословением и освободителем той части света, где она простирается как колония Европы». Заиченко отмечает, что у Герреса «картина русской истории ... совсем не так однозначна и целостна, как у Роттека. Его восприятие России так же противоречиво, как и эпоха, которая его сформировала». Заиченко, проанализировав работы Герреса, приходит к выводу: «Признание амбивалентности России... на этом витке развития внешнеполитического дискурса было очень важным шагом в дальнейшем формировании восприятия Российской империи, так как допускало как существование нового позитивного образа России – носителя европейской культуры <...>, так и реанимацию всех прежних мифов, связанных с “русской угрозой” и азиатским варварством “деспотического правления”» [2, с. 168, 170].

В шестой главе («Проекция разочарований и надежд. “Русский вопрос” как основа для формирования новых смыслов») рассмотрен феномен возрождение комплекса «русской угрозы» в новых идеологических конструкциях германского менталитета (1822–1830). Заиченко отмечает, что изданное анонимно в 1824 г. «Завещание Петра Великого» – историческая фальсификация конца XVIII в. – было предназначено «для того, чтобы убедить европейскую публику в наличии долгосрочных наступательных планов у российского правительства во внешней политике». Петру I приписывалась идея территориальной экспансии России в северном, южном и восточном направлениях вплоть до покорения части Европы, Персии и Индии. Появление этой публикации не было ни единичным, ни случайным событием: в данном случае речь шла о создании письменного доказательства существования долговременной экспансионистской стратегии России. В том же году, указывает Заиченко, также анонимно было издано эссе «К вопросу о протекторате над Европой Англии и России», в основу которого был положен тезис об «англо-русской диктатуре» над Европой [2, с. 174, 177]. Автор данного эссе незаметно удалил из этой системы английскую составляющую, заменяя указанную в заголовке политическую конструкцию старой мифологемой «русской угрозы». Таким образом, О. В. Заиченко показывает, как «в условиях жесткой цензуры немецкие публицисты вновь использовали старые инструменты и клише <...> для создания собственных новых идеологических конструкций» [2, с. 181].

Важным вектором эволюции образов Российской империи в общественно-политическом дискурсе Германии был русско-турецкий конфликт. Об этом свидетельствовало большое количество сочинений, появившихся накануне русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Этой теме был посвящен трактат «Война на Востоке с точки зрения цивилизации, политики и всеобщих интересов Европы», принадлежавший перу немецкого экономиста, профессора университета Эрлангена Михаэля Александра Липса [2, с. 182]. Этот автор напоминает о европейской и христианской природе Российской империи и акцентирует тезис о турецкой угрозе: «Порту следует бороться гораздо больше, чем Россию, тем более что ислам – единственная религия, которая в наши дни стремится стать господствующей» [2, с. 183]. Липс предлагает план «умиротворения России»: направить ее экспансию против Турции. Захватив Константинополь, Россия, по его мнению, была в состоянии выполнить миссию освобождения христианского населения. Кроме того, овладев Константинополем, она, по мнению Липса, могла расплатиться с германскими государствами за поддержку в этом вопросе, отказавшись от своей части Польши. Далее Липс рисует утопическую картину будущего «вечного мира» [2, с. 184–185].

В заключении монографии приведены выводы, подкрепленные всей логикой исследования, обширным фактическим материалом и убедительной авторской аргументацией:

1. В развитии восприятия России в Германии в первой трети XIX в. прослеживаются два тренда: негативный и позитивный. Первый из них отчетливо сформировался в период между Французской революцией и началом немецкой Освободительной войны и связан с комплексом «русской угрозы»; второй возник после победы над Наполеоном и был важным элементом нового пространства позитивных ожиданий, впоследствии став частью идеологии Венской системы коллективной безопасности [2, с. 188].

2. Россия в начале XIX века стала для Европы знаковым явлением. Ее восприятие превратилось для западной цивилизации в одно из средств самопознания, в инструмент национальной и политической самоидентификации [2, с. 197].

Монография написана живым, легким и ясным языком. Она, бесспорно, является талантливой и оригинальным научным произведением, раскрывающим многие пружины формирования и трансформации образов России в Германии в один из наиболее драматичных и

насыщенных событиями периодов европейской истории. Труд О. В. Заиченко весьма своевременно вносит изрядную порцию новой информации, способной повлиять на аргументы участников многолетней российской дискуссии о природе «русского вопроса», смысле «национальной идеи», роли «традиционных ценностей» в современном мире и особенностях исторического пути России [3; 4; 5; 7].

Книга будет интересна не только историкам, но и широкому кругу читателей. Она помогает лучше понять хитросплетения европейской политики первой трети XIX в. Тем, кто равнодушен к проблемам личности в истории, данное исследование даст богатую пищу для размышлений. Для всех, кого интересует «русский вопрос», восприятие иностранцами России, российской истории и русского человека, исследование О. В. Заиченко предоставляет возможность насладиться произведениями немецких авторов в прекрасном авторском переводе.

Список литературы

1. Журавлева В. И. Понимание России в США: образы и мифы: 1881–1914. М.: Изд-во РГГУ, 2012. 1136 с.
2. Заиченко О. В. Проекция разочарования и надежд: «Русский вопрос» в контексте немецкого внешнеполитического дискурса первой трети XIX в.: эссе по исторической имагологии. М.: Весь мир. 2018. 365 с.
3. Иноземцев В. Несовременная страна: Россия в мире XXI века. М.: Альпина Паблишер. 2018. С. 14–15.
4. Кургинян С. Суть времени: в 2-х т. М.: МОФ ЭТЦ, Т. 1. 2013. 592 с.; Т. 2. 2013. 680 с.
5. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения. 2005. 536 с.
6. Оболенская С. В. Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. М., 1991. С. 160–185.
7. Печатнов В. Традиционные ценности и их противники // Россия XXI век. 2017. № 1. С. 24–45.
8. Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1, 4, 5. М. ИРИ РАН. 2000, 2007, 2009. Вып. 1. 363 с.; Вып. 4. 446 с.; Вып. 5. 466 с.
9. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 288 с.
10. Юнгблюд В. Т. «Образы Российской империи» и внешнеполитическое планирование США в 1944–1945 гг. // США: экономика, политика, идеология. 1996. № 6. С. 66–78.

The "Russian question" in the German foreign policy discourse of the early nineteenth century

T. I. Lypka

PhD of Historical Sciences, associate professor. Russia, Kirov. E-mail: LypkaTatiana@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a new book by O. V. Zaichenko "Projection of disappointment and hopes: "The Russian question" in the context of German foreign policy discourse of the first third of the XIX century". The monograph is a talented and original scientific work that reveals many springs of formation and transformation of images of Russia and Germany in one of the most dramatic and eventful periods of European history. The author of the book defines its genre as "research-mosaic". This can be explained by the versatility and multiplicity of scientific research. The object of historical analysis in the study "are works written by various representatives of the intellectual and political elite of Germany in order to find an answer to the questions: what is Russia? Is it part of Europe? What is its role in international politics and the preservation of the European security system" [2]. The author combines all these questions into one called "Russian question". The author uses historical imagology "as a research method for developing various stories on the history of mutual perception of peoples, the problems of the "other" in culture and politics". The method of historical imagology is supplemented by the traditional methods of research for the historian: the structural and functional method in combination with the system and historical-comparative method.

Keywords: historical imagology, the image of the "other" in culture and politics, "Russian question", Russia and Germany, Russia and Europe.

References

1. Zhuravleva V. I. *Ponimanie Rossii v SShA: obrazy i mify: 1881–1914* [Understanding Russia in the United States: images and myths: 1881–1914]. M. RSHU. 2012. 1136 p.
2. Zaichenko O. V. *Proekciya razocharovaniya i nadezhd: "Russkij vopros" v kontekste nemeckogo vneshnepoliticheskogo diskursa pervoj treti XIX v.: esse po istoricheskoy imagologii* [Projection of disappointment and

hopes: "the Russian question" in the context of the German foreign policy discourse of the first third of the XIX century: essays on historical imagology]. M. Ves' mir. 2018. 365 p.

3. Inozemcev V. *Nesovremennaya strana: Rossiya v mire XXI veka* [Non-modern country: Russia in the world of the XXI century]. M. Alpina Publisher. 2018. Pp. 14–15.

4. Kurginyan S. *Sut' vremeni : v 2-h t.* [The essence of time : in 2 vols]. M. International public Foundation "Experimental creative center". Vol. 1. 2013. 592 p.; Vol. 2. 2013. 680 p.

5. Narochnickaya N. A. *Rossiya i russkie v mirovoj istorii* [Russia and Russians in world history]. M. International relations. 2005. 536 p.

6. Obolenskaya S. V. *Obraz nemca v russoj narodnoj kul'ture XVIII–XIX vv.* [The image of the German in Russian folk culture of the XVIII–XIX centuries] // *Odissej. Chelovek v istorii. Kul'turno-antropologicheskaya istoriya segodnya* – Odyssey. Man in history. Cultural and anthropological history today. M. 1991. Pp. 160–185.

7. Pechatnov V. *Tradicionnye cennosti i ih protivniki* [Traditional values and their opponents] // *Rossiya XXI vek* – Russia XXI century. 2017. No. 1. Pp. 24–45.

8. *Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya. Vyp. 1, 4, 5.* – Russia and the world through each other's eyes: from the history of mutual perception. Vol. 1, 4, 5. M. IRI RAS. 2000, 2007, 2009. Vol. 1. 363 p.; Vol. 4. 446 p.; Vol. 5. 466 p.

9. Senyavskaya E. S. *Protivniki Rossii v vojnah XX veka: Evolyuciya "obraza vraga" v soznanii armii i obshchestva* [Opponents of Russia in the wars of the twentieth century: Evolution of the "image of the enemy" in the minds of the army and society.] M. Russian political encyclopedia. 2006. 288 p.

10. Yungblud V. T. *"Obrazy Rossijskoj imperii" i vneshnepoliticheskoe planirovanie SShA v 1944–1945 gg.* ["Images of the Russian Empire" and foreign policy planning of the United States in 1944–1945] // *SShA: ekonomika, politika, ideologiya* – USA: Economics, politics, ideology. 1996. No. 6. Pp. 66–78.